

S T U D I A P H I L O L O G I C A

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

АРХИТЕКТУРА КЛАУЗЫ В ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ

Синтаксис,
информационная структура,
порядок слов

Ответственные редакторы
А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова

Издательский Дом ЯСК
Москва 2016

10. К ВОПРОСУ ОБ ЭНДОКЛИТИКАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

П. М. Аркадьев

В данной главе предлагается рассматривать разрывы некоторых русских местоимений предлогами (*ни к кому, кое с кем, друг на друга*) как явление эндоклитизиса — вставления клитики внутрь словоформы, отмеченное в ряде языков, в том числе индоевропейских, но в основном в совершенно иных морфосинтаксических условиях.

В современных позиционных классификациях клитик (понимаемых, вслед за [Зализняк 2008: 6] и более ранними работами, как акцентно несамостоятельные словоформы, «объединяющиеся в одну тактовую группу с предшествующей или последующей словоформой») наряду с проклитиками, просодически объединяющимися с последующей акцентно самостоятельной словоформой, и энклитиками, просодически примыкающими, соответственно, к предшествующей словоформе, выделяют также **эндоклитики**¹, вклинивающиеся внутрь «опорной» словоформы, см. [Мельчук 1997: 212; Плуноян 2000: 31; Anderson 2005: 81]. В отличие от проклитик и энклитик, широко распространенных в самых разных языках мира, эндоклитики — явление довольно редкое; в литературе обычно приводятся примеры

* Настоящая статья была впервые опубликована на вебсайте к юбилею академика А. А. Зализняка, <http://inslav.ru/zalizniak80/list.html>. Автор благодарит И. Б. Иткина, Е. А. Лютикову и А. В. Циммерлинга за ценные замечания к первым вариантам текста и С. С. Скорвида за консультацию по данным других славянских языков. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

¹ В русскоязычной литературе (ср. [Мельчук 1997: 212; Плуноян 2000: 31]) используется также термин «интраклитика», который представляется неудачным, поскольку остальные общепринятые понятия в этой области традиционно строятся из греческих компонентов без использования латинских. В англоязычной литературе также встречаются термины с другим греческим префиксом: *mesoclitic* [Gerlach 2002: 207—213; Vigário 2003: 270; Velupillai 2012: 94] и *mesoclisiv* [Spencer, Luis 2012: 207 et passim].

из европейского португальского [Мельчук 1997: 185—186; Anderson 2005: 157—161; Spencer, Luís 2012: 205—208], пушту [Tegey 1977; Anderson 2005: 152—157], удинского [Harris 2002; Anderson 2005: 161—165; Spencer, Luís 2012: 208—212] языков; список этот заведомо неполон, см. также [Циммерлинг 2013а: 54]. Важно отметить, что в отличие от способности примыкать к опорному слову слева или справа свойство вставляться внутрь опорного слова, видимо, не может быть для клитики постоянным — во всех упомянутых только что случаях эндоклитики в части своих употреблений могут выступать и как проклитики и/или энклитики. Не исключено, что эта «позиционная нестабильность» эндоклитик вытекает из логики определения клитик как *с л о в о ф о р м*, пусть и просодически «дефектных» — элемент, всегда занимающий позицию строго внутри другой словоформы, был бы классифицирован как аффикс.

В качестве иллюстрации рассмотрим пример эндоклитик из курдского диалекта сорани ([Bonami, Samvelian 2008]; ср. [Курдоев 1978: 107—110]). В сорани личные местоименные клитики, использующиеся для выражения объекта в настоящем времени и субъекта в прошедшем, способны, во-первых, выступать как энклитики к первому слову глагольной группы, которое может быть, например, дополнением, пример (1a), или самим глаголом, как в примере (1b), и, во-вторых, когда перед глаголом нет иных словоформ, а сам он содержит преверб, вставляться между превербом и основой, как в примере (1c).

(1) курдский диалект сорани

a. *bo nærmin=jan dæ-kir-im*

для Нармин=3PL IPF-купить.PRS-1SG

‘Я покупаю их для Нармина.’ [Bonami, Samvelian 2008: 3]

b. *kiri-n=i*

купить.PST-3PL=3SG

‘Он купил их.’ [Ibid.]

c. *dæ=j=le-m*

IPF=3SG=говорить.PRS-1SG

‘Я говорю это.’ [Ibid.]

В связи с этим примером нелишне заметить, что бóльшая часть известных случаев эндоклитик — это ситуации, когда клитика разрывает сложную глагольную словоформу, состоящую из основы и некоего дополнительного компонента, например префикса, который синхронно является частью словоформы, однако исторически восходит к самостоятельным единицам, таким как наречия. К упомянутому выше списку такого рода

примеров можно добавить, в частности, осетинский [Ахвледиани 1963] и старолитовский [Razanovaitė 2014]. Случаи, когда эндоклитика проникла бы внутрь корня, исключительно редки; практически бесспорным примером такого рода является удинский язык (см. упомянутые выше работы; ср., однако, [Ганенков и др. 2012]), а также язык гбан (семья манде, Кот д'Ивуар, [Федотов 2014]).

Ниже я попытаюсь применить понятие эндоклитики к русскому языку, а именно, показать, что в качестве эндоклитик можно рассматривать первообразные предлоги, вставляющиеся внутрь некоторых местоимений: отрицательных *никто*, *ничто*, *никакой*, *ничей*, *некого*, *ничего*, неопределенных *кое-кто*, *кое-что*, *кое-какой* и *кое-чей* и взаимного *друг друга*. Все эти лексемы рассматриваются в книге [Зализняк 1967: 53, 289—290] в качестве **разрывных** словоформ².

Для того чтобы аргументированно показать, что некая языковая единица является эндоклитикой, необходимо, во-первых, доказать, что это именно клитика (а не самостоятельная словоформа или, наоборот, не аффикс), и, во-вторых, продемонстрировать, что те единицы, внутрь которых она способна вставляться, являются именно словоформами, а не словосочетаниями (т. е. комбинациями словоформ).

Статус русских первообразных предлогов в качестве клитик (в частности проклитик) кажется вполне несомненным. Предлоги, в том числе двусложные, являются просодически несамостоятельными единицами, примыкающими к последующей словоформе; в силу этого они участвуют в ряде чередований, характерных для морфологически связанных единиц русского языка (например, оглушение или озвончение перед соответствующим согласным последующего слова: *в* [v] *дом*, но *в* [f] *стол*; морфонологически и лексически обусловленные чередования вроде *об этом* vs. *обо мне*; об особом поведении последнего предлога см. статью [Лютикова, Гращенко 2008], где показано, что на выбор алломорфов влияют не только морфонологические, но и синтаксические факторы). Этим первообразные предлоги сближаются с несомненными аффиксами — приставками (ср.: *в*[v]*бить* vs. *в*[f]*пнать*, *обдать* vs. *обогнать*). С другой стороны, предлоги демонстрируют морфосинтаксическое поведение, характерное для словоформ: сочетаются с целой составляющей (именной группой), а не с конкретным словом (*в* [*нашем* (**в*) *новом* (**в*) *двухэтажном* (**в*) *доме*]; случаи повтора предлога в рамках именной группы в современном русском языке редки и стилистически

² О возможных других, существенно более маргинальных кандидатах на этот статус в русском языке см. [Холодилова 2013: 88] и ниже сн. 6.

маркированы)³, опускаются при сочинении и, что немаловажно, полноценно участвуют в синтаксической структуре, управляя падежом своего зависимого. В этом смысле русские первообразные предлоги вполне соответствуют предложенному в работах [Spencer, Luís 2012: 321—324; 2013] определению клитик как единиц, сочетающих просодико-фонологические свойства аффиксов с морфосинтаксическими свойствами (служебных) словоформ.

Перейдем к вопросу о статусе русских разрывных словоформ. Начну с того, что для логической корректности рассуждений необходимо исключить из рассмотрения как раз те случаи, когда интересующие нас единицы выступают с вклинивающимися предлогами, и исследовать их поведение лишь в ситуациях «слитного» употребления. Ниже будет рассмотрен ряд признаков, отличающих словоформы от словосочетаний (а аффиксы, соответственно, от служебных слов), в первую очередь морфологические и синтаксические критерии. Фонетико-просодические критерии в данном случае непоказательны, поскольку, как уже указано выше, дают практически одинаковые результаты для словоформ и сочетаний словоформ с предлогами⁴.

По основным морфосинтаксическим критериям (ср. [Плунгян 2000: 20—28]) все рассматриваемые единицы следует считать словоформами: их компоненты не могут быть отделены друг от друга полноценными (акцентно самостоятельными) словоформами (**кое пришёл кто; *друг обняли друга*), не подвергаются перестановке (**обняли друга друг*; см. подробнее ниже), не допускают широкой сферы действия при сочинении (*его никто и ничто не интересует ~ *никто и что; терять некого и нечего ~ *некого и чего; никакой и ничей ~ *никакой и чей; кое-кто и кое-что всё портит ~ *кое-кто и что*). В связи с последним критерием ср., напротив, поведение предлогов и частиц: *об отце и (о) матери, даже отец и (?даже) мать* и т. п.

³ В истории русского языка, как известно, так было не всегда (см. [Klenin 1989; Зализняк 2004: 164—166; Ворт 1982/2006; Минлос 2007]).

⁴ Здесь уместно отметить, однако, что *кое*-местоимения выделяются среди рассматриваемых единиц тем, что не подчиняются общим для русских тактовых групп правилам редукции безударных гласных: компонент *кое*- произносится без редукции *о*, ср. [коэ-któ] vs. [bəivój] и [aba=fs'óm], ср. [Аванесов (ред.) 1988: 213], где у всех *кое*-местоимений первый компонент помечен как несущий второстепенное ударение. Как указал мне А. В. Циммерлинг, отсутствие редукции вообще характерно для (некоторых) русских клитик, например союзов (*но*), но не первообразных предлогов (*во[а] главё*), что может быть аргументом в пользу рассмотрения элемента *кое* как клитики.

Критерий цельноформленности релевантен лишь для взаимного местоимения *друг друга*, первый компонент которого формально совпадает со словоформой существительного, однако на самом деле морфосинтаксически инертен: если бы компонент *друг* в составе *друг друга* был самостоятельной словоформой, мы бы ожидали от него поведения, сходного с таковым у компонента *каждый* в конструкции типа *каждый по яблоку*, т. е., в частности, согласования по падежу с антецедентом, ср.: *Мальчики взяли каждый по яблоку* ~ *Она дала им **каждому** / ***каждый** по яблоку* ~ *Она велела им **взять** **каждому** / ***каждый** по яблоку*. Тем не менее с *друг друга* этого не происходит, ср.: *Она представила их **друг** другу / ***друга** другу*, *Она позволила им **обнять** **друг** друга / ***другу** друга*. Тем самым несклоняемость первого компонента взаимного местоимения объясняется не ограничениями на его синтаксическую дистрибуцию, а его морфологической связанностью.

В связи с упомянутым выше критерием переставимости следует упомянуть указанный мне А. Ч. Пиперски следующий пример из «Большой элегии Джону Донну» (1963) И. Бродского: *И **каждый** стих с другим, как близкий брат, / **хоть** шепчет **другу** **друг**: чуть-чуть подвинься*. Для современного литературного языка этот пример явно маргинален, более того, единственное число сказуемого *шепчет* указывает на необязательность трактовки последовательности *другу друг* именно как взаимного местоимения. Приведу также немногочисленные иные примеры такой инверсии взаимного местоимения из поэтического подкорпуса НКРЯ (в основном подкорпусе таких случаев не встретилось вовсе):

*Твоим житейским дням довлеет жизни злоба. / Не зная **друга** **друг**,
перемогайтесь оба* [А. С. Гингер. Сестра (1917—1964)];

*О! бедства напротив великого начало, / Когда супругники согласья
не хранят, / Любовью к **другу** **друг** взаимной не горят* [Неизвестный.
Неудачная женитьба (1793)];

*Старшие мужи воззрели **на-друга** **друг** ослабляясь, / И удивились
они, что-ответ мой точно Миноев* [В. К. Тредиаковский. «А потом
председатель нам предложил три задачи...» [Из «Тилемахиды»]
(1766)];

*Воззри на облака: о! чудо из чудес, / Как ветров на крилах летают
у небес, / А в тяжести такой на низ не упадают, / Да только **друга**
друг, сливаясь там, сретают?* [В. К. Тредиаковский. Феоптия. Эпи-
стола II (1750—1754)];

Все действия веда согласно толь и вдруг, / Что будто меж собой текут на друга друг [В. К. Тредиаковский. Феоптия. Эпистола V (1750—1754)];

Взаимно другу друг находятся подвластны, / Взаимно те во всех своих делах согласны [В. К. Тредиаковский. Феоптия. Эпистола V (1750—1754)].

Показательно, что стандартное расположение компонентов взаимного местоимения только в поэзии XVIII в. отмечено примерно 150 примерами.

Суммируя, можно сказать, что коль скоро, во-первых, русские первообразные предлоги являются клитиками, а местоимения *никто*, *ничто*, *никакой*, *ничей*, *некого*, *нечего*, *кое-кто*, *кое-что*, *кое-какой*, *кое-чей* и *друг друга* суть словоформы, а не словосочетания, сочетания этих классов единиц между собой можно признать случаем эндоклизиса, причем типологически вполне нетривиальным⁵.

Существенным возражением к приведенной выше аргументации может служить тот отмечавшийся в литературе факт (см. [Еськова 2011: 215—218]), что рассматриваемые нами местоимения могут разрываться и непервообразными предлогами, часть которых скорее не является клитиками, ср.: *друг напротив друга*, *друг по отношению к другу*, *ни против кого*, *ни относительно чего* и т. п. Со сколько-нибудь значимой частотой такие случаи встречаются лишь с взаимным местоимением (в частности, примеры вроде *друг напротив друга* или *друг относительно друга* отмечаются в Национальном корпусе русского языка; подробнее см. [Холодилова 2013: 52—54], где приводятся и статистические данные), однако допустимость самой такой модели вряд ли может быть поставлена под сомнение. Такие факты, конечно, вступают в противоречие с трактовкой единиц вроде *никто* и *друг друга* как единых словоформ, казалось бы, вполне надежной для ситуаций «неразрывного» употребления, но их интерпретацию я оставляю за пределами данной работы.

Интересно отметить, что важной и, видимо, значимой параллелью к эндоклитическому поведению русских предлогов с отрицательными и неопределенными местоимениями является позиция предлогов по отно-

⁵ Данная черта является архаизмом, сохранившимся лишь в восточнославянских и сербохорватском языках и утраченным остальными славянскими языками, но представленным, например, в старославянском [Вайан 1952: 170]. В сербохорватском, насколько можно судить (ср., например, <http://pravopis.hr/pravilo/viserjesnice/29/>), эндоклизис предлогов сохраняется в основном в литературном языке и утрачивается в обиходной речи.

шению к выделительным частицам *только*, *лишь* и *даже* и отрицанию *не*: последние всегда предшествуют предлогу, несмотря на то что семантически могут относиться к управляемой предлогом именной группе. Ср.: *Книги лежали даже на полу* / **на даже полу*, *Расскажи только о детях* / **о только детях*, *Пошел не к отцу, а к матери* / **к не отцу, а матери* и т. п. Можно даже предположить, что оба эти феномена суть два проявления тенденции помещать несклоняемые единицы с функцией семантических операторов перед предлогами⁶.

Наконец, нельзя не указать на то, что с морфосинтаксической точки зрения первообразные предлоги, вклинивающиеся в разрывные словоформы, ведут себя скорее как аффиксы, в частности не могут иметь в своей сфере действия элементы вне опорного слова, ср.: *ни к кому и ни к чему* ~ **ни к кому и ничему*, *разочаровались друг в друге и в себе* ~ **друг в друге и себе*⁷. О последнем случае отмечу, что взаимное местоимение может находиться в сфере действия предлога, примыкающего к неразрывной словоформе, ср. *разочаровались в себе и друг друге*].

Итак, я надеюсь, что мне удалось показать осмысленность и применимость к русскому материалу до сих пор бывшего для русской грамматической терминологии «экзотическим» понятия эндоклитики, равно как и то, что русский язык может быть внесен в пока не слишком представительный перечень языков, демонстрирующих это нетривиальное явление.

Сокращения

1 — первое лицо, 3 — третье лицо, IPF — имперфектив, PL — множественное число, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, SG — единственное число. Знаком = отделяются клитики.

⁶ Ср. в связи с этим интересные примеры из работы [Холодилова 2013: 88], где разрывность демонстрируют сочетания с начальным вопросительным квантором *сколько-*, обладающие определенными свойствами целостных словоформ [Волк, Коган 2008]: *Сколько=бы ступенчатым ни было лечение...*

⁷ Пример такого рода встречается в интернете: *И половинки друг друга дополняют, точнее, уравновешивают – мужское и женское начало друг в друге и себе самом* (<http://gazeta.rodnaya.info/statya/2243-kak-naiti-svoyu-vtoruyu-polovinu>, дата обращения 04.06.2016); это единственный и явно маргинальный пример на фоне нескольких десятков примеров с последовательностью *друг в друге и в себе*.

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. *Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг*
Архитектура клаузы и информационная структура 9

Часть первая

Коммуникативно-синтаксический интерфейс

- Глава 2. *Е. В. Падучева*
Коммуникативная структура
и линейно-акцентные преобразования предложения
(на материале русского языка) 25
- Глава 3. *А. В. Циммерлинг*
Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно
нерасчлененные предложения в русском языке 76
- Глава 4. *А. В. Сидельцев*
Внутриклаузальная левая периферия в хеттском:
формальное описание 104
- Глава 5. *О. И. Беляев*
Уровневая теория полипредикации:
данные осетинского и русского языков 165
- Глава 6. *М. В. Шкапа*
Глагольная реприза в ирландском языке 195

Часть вторая

Синтаксис клитик

- Глава 7. *А. В. Циммерлинг*
Структура клаузы, линейно-акцентные преобразования
и клитики в средненорвежском языке 209

Глава 8. <i>Г. М. Петрова, Е. Ю. Иванова</i> Синтаксис местоименных клитик в форме датива в южнославянских языках	275
Глава 9. <i>Е. Ю. Иванова</i> Болгарские клитики	292
Глава 10. <i>П. М. Аркадьев</i> К вопросу об эндоклитиках в русском языке	325
Глава 11. <i>Е. Ю. Иванова</i> Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериенцера в болгарском языке	332

Часть третья

Падеж, согласование и структура клаузы

Глава 12. <i>Е. А. Лютикова, Д. Р. Ибатуллина</i> Теория падежа в свете фактов падежного варьирования	371
Глава 13. <i>П. М. Аркадьев</i> (Не)согласование причастий и два типа конструкций с неноминативными субъектами в литовском языке	394
Глава 14. <i>Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова</i> Структурная позиция прямого дополнения и его коммуникативный статус (на материале печорского диалекта коми-зырянского языка)....	417
Глава 15. <i>П. В. Гращенков</i> Синтаксическая и семантическая типология генитива: генитив качества как носитель адъективного признака (на материале русского языка)	444
Глава 16. <i>О. И. Беляев</i> Личное согласование в даргинских языках: анализ в терминах Теории оптимальности и Лексико-функциональной грамматики	468

Литература	495
Предметный указатель.....	537
Языки мира	577
Сведения об авторах	583
Authors and affiliations	585
Аннотации и ключевые слова	587
Summaries and keywords	597